View the original article

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ

"Теперь я не могу вернуться". Журналистка Анна Яровая – о России за закрытой границей

11 сентября 2026

Анна Яровая с мужем и сыновьями

Журналистка Анна Яровая, уехавшая из России в Финляндию в 2018 году, выпустила этим летом книгу *Rajantakaiset* – путевой дневник о людях, которые после начала войны остались по ту сторону закрытой российско-финской границы. Книга еще готовилась к выходу, когда в феврале 2026 года Яровая приехала к родителям в Петрозаводск. Там ее несколько часов опрашивали сотрудники ФСБ, проверяя, по их словам, возможное сотрудничество с финскими спецслужбами. В интервью Север.Реалиям она рассказывает, какой увидела Россию спустя три года войны, почему считает ошибкой разрыв человеческих связей с россиянами, как эмиграция едва не заставила ее уйти из профессии и почему после последнего визита считает возвращение в Россию невозможным.

На одну из первых презентаций книги журналистки Анны Яровой *Rajantakaiset* пришли около двадцати человек. Это был небольшой фестиваль Norpas на юго-

западе Финляндии. После встречи к Яровой подошла молодая финка. Книгу она еще не читала – только что купила, – но сказала, что за четыре с половиной года войны привыкла к мысли: с людьми "по ту сторону границы" разговаривать больше невозможно.

Анна Яровая и ее первая книга

– Она сказала: "Я все эти четыре с половиной года думала, что мы больше не сможем с той стороной границы общаться. А сейчас я вас послушала и понимаю, что вы правы. Спасибо, что вы написали эту книгу". И сказала, что ей вообще не приходило в голову, что там до сих пор живут обычные люди, которые тоже могут быть против войны. Для меня это было удивительно.

Именно о них Яровая и написала свою первую книгу – путевой дневник о поездке по северо-западу России весной 2025 года. Вместе с финской подругой и будущим редактором книги Кертту Матинпуро она проехала от Мурманской области через Карелию и Выборг до Петербурга, встречаясь со своими новыми и старыми знакомыми –журналистами, активистами, людьми культуры.

Книга вышла на финском языке. Ее название *Rajantakaiset* Яровая считает практически непереводимым одним русским словом: это одновременно и люди, находящиеся "за границей", по другую ее сторону, и состояние тех, кто живет сегодня в России, не принимает происходящее и вынужден каждый день определять для себя границы допустимого.

Спустя меньше года после этой поездки сама Яровая приехала к родителям в Петрозаводск и оказалась в руках ФСБ. После нескольких часов "осмотра" и "опроса", разговоров о государственной измене и возможном сотрудничестве с финской службой безопасности адвокат посоветовал ей немедленно покинуть страну. С тех пор в Россию она не возвращалась и вряд ли теперь вернется.

"Создается впечатление, что в России все маршируют строем и радуются войне"

– В предисловии вы пишете, что одна из целей книги – показать ту Россию, которая продолжает существовать за закрытой границей и о которой в Финляндии легко забыть. Что, на ваш взгляд, финский читатель сегодня не понимает о России?

– Мне кажется, он не понимает, как выглядит обычная жизнь. Практически все новости о России – это Путин, война в Украине, какие-то глобальные политические или дипломатические события. И постепенно создается впечатление, что в России все маршируют строем, поддерживают Путина и радуются войне.

Поэтому наша задача была просто рассказать, что жизнь там продолжается. Что есть люди, которые не поддерживают войну и не поддерживают Путина. Просто им небезопасно говорить об этом громко. А иногда – вообще как-либо говорить публично.

– Почему, по-вашему, возникла такая упрощенная картина?

– Ну, во-первых, естественно, Путин. Никто не предполагал, что в современном мире, посреди Европы, может появиться агрессор, который начнет бомбить дома в соседней стране. Для Финляндии это особенно чувствительно: Россия – ближайший сосед.

Во-вторых, СМИ. Я понимаю, почему это происходит: заголовок со словами "Путин", "кровавый диктатор", очередное громкое политическое событие гораздо легче продать, чем историю какого-нибудь дяди Васи в деревне, который просто сидит, живет своей жизнью и не поддерживает войну. Обычная жизнь менее кликабельна.

– А финнам вообще интересно, как сегодня живут рядовые россияне?

– Конечно, не всем. Но здесь есть очень много людей, которые десятилетиями ездили в Россию. После распада Советского Союза граница открылась, за тридцать лет возникли дружеские связи, культурные связи, какие-то привычки.

Люди ездили за дешевым бензином, могли на выходные съездить в бар, погулять. Особенно здесь, в приграничной части Финляндии, Россия была очень близко.

Теперь граница закрыта. Люди туда не ездят и не видят своими глазами, что там происходит. Для части финнов это тоже потеря.

– Вы сознательно выбрали героями людей, которые вам мировоззренчески близки. Нет ли опасности показать финскому читателю тоже несколько искаженную Россию – только уже с другой стороны? Все-таки людей, поддерживающих во всем Путина, там по-прежнему очень много.

– Это сознательный выбор, и в книге мы его объясняем. Тех, кто поддерживает войну, очень хорошо слышно. Они могут спокойно об этом говорить, писать, выступать. За это их не оштрафуют, не посадят, никакие репрессии их не коснутся.

А люди, которые стали героями нашей книги, во многом согласились на разговор потому, что лично доверяли мне и моей подруге. Мы хотели дать слово именно им. Потому что они в меньшинстве, их не слышно, они не ведут публичные блоги, не заявляют громко о своем мнении о происходящем – просто потому, что это может быть для них небезопасно.

– То есть это не попытка сказать: "Вот настоящая Россия"?

– Конечно нет. Это та Россия, которую мы хотели показать. И мы этого не скрываем.

"Россия по финнам не скучает"

– Во время поездки вас что-то удивило? Что-то не совпало с той Россией, которую вы представляли, находясь в Финляндии?

– Да. Например, мы специально хотели съездить в Сортавалу и Выборг. Это ближайшие к Финляндии города, которые финнам очень хорошо знакомы.

И мы, наверное, подсознательно ожидали увидеть, что они стоят такие грустные и скучают по финским туристам. Потому что раньше на выходные туда ехало огромное количество финнов.

Но мы приехали – и увидели совершенно обратное. Туристический бум. Внутренний туризм процветает. Сортавала и Выборг строятся, реставрируются, открываются гостиницы, рестораны, там толпы людей.

Города совершенно не скучают по финским туристам. Они уже принимают, а иногда, кажется, просто отбиваются от российских.

И мы написали в книге: как бы мы здесь, сидя в шестидесяти километрах от российской границы, ни думали, что без нас там скучают, Россия по финнам не скучает. Она переориентировалась.

– А экономически Россия выглядела так, как вы ожидали? По-моему, в Европе после начала войны долго было ощущение, что санкции вот-вот приведут к экономическому краху в России.

Анна Яровая, переводчица и редактор книги Кертту Матинпуро и один из героев книги Валерий Поташов

– У меня не было иллюзии, что там все рухнуло, потому что я все равно примерно раз в год приезжала. В Мурманской области, например, сейчас огромный поток китайских туристов. В магазинах толпы людей, практически все можно купить.

Понятно, что цены растут. Я каждый год приезжала и замечала: опять стало дороже. И понятно, что доходы местных жителей не растут с такой же скоростью. Люди меньше могут себе позволить, меньше путешествуют, отдых очень подорожал.

Но визуально – особенно если смотреть на крупные города – какого-то кризиса совершенно не чувствуется. Что-то ремонтируют, что-то открывается, появляются новые кафе. Если не смотреть на плакаты, которые призывают идти на войну, внешне иногда вообще кажется, что больших изменений нет.

– Но кладбища выглядят уже иначе.

– Да. И это как раз были такие поездки, которые мы заранее вообще не планировали. Разговариваем с кем-то из наших героев, и нам говорят: "А поехали на кладбище. Вот там вы действительно увидите, что происходит". И это очень сильная визуальная иллюстрация обратной стороны войны.

"Глупые сериалы, где обязательно будет счастливый конец"

– В книге довольно много о том, как люди психологически приспосабливаются к происходящему. Одна из ваших героинь, например, находит смысл в огороде, бане, гостях, работе с карельским языком. Что вы поняли о людях, которые решили не уезжать, но и происходящее не принимают?

– На самом деле я увидела очень много похожего на то, что происходило со мной самой после начала войны. Какие-то очень простые бытовые радости действительно помогают переключаться из этого ужасного состояния.

У меня много друзей, которые не захотели становиться героями книги, и они говорят примерно то же самое: пойти в баню, поехать на рыбалку, уехать в

деревню, где нет интернета и связи, побыть на природе. Потому что информационный поток затягивает и очень угнетает.

Наташа рассказывает, например, что смотрит совершенно глупые сериалы, но обязательно такие, где будет хороший конец. Я в какой-то период смотрела "Друзей". Я прекрасно знала, чем все закончится. Мне просто нужен был быстрый дофамин. Я не хотела еще и переживать, что какой-нибудь вымышленный герой умрет, что с ним случится еще какое-нибудь дополнительное, искусственно созданное горе.

Для многих эмоциональных, эмпатичных людей это оказалось способом просто переживать происходящее.

"После ФСБ моя позиция стала жестче"

Одна из героинь книги, мурманская артистка, которую Яровая называет Марией, рассказывает, что сохраняет отношения с близкими, чьи взгляды на войну радикально отличаются от ее собственных. Они просто договорились не говорить на определенные темы.

Еще недавно похожей стратегии придерживалась и сама Анна.

– До февральских событий вы могли продолжать общаться в России с людьми, для которых "не все так однозначно"?

– Да. Когда мы разговаривали с Марией и я писала эту часть книги, мое отношение было другим. Я могла приехать в Россию, встретиться в компании с людьми, у которых "не все так однозначно", и просто не обсуждать эту тему. Хотя мне было тяжело. Я все равно могла поставить Нойза, Монеточку. Или когда поднимали тосты и давали слово мне, я специально говорила: "За мир во всем мире. Чтобы скорее закончилась война".

То есть я не хотела идти в открытый конфликт, но хотела каким-то образом обозначить свою позицию.

– А сейчас?

– Сейчас я думаю, что, если бы даже могла приехать, я бы избегала любого пересечения с этими людьми. Я уже не могу находиться в одном помещении с человеком, который говорит, что "не все так однозначно". После того, как мне дали понять: если я приеду еще раз, то могу сесть за госизмену, – мое отношение стало гораздо жестче.

Моя финская подруга, которая редактировала книгу, думает иначе. Она считает, что человеческий разговор все равно надо продолжать. Что когда все это когда-нибудь закончится, когда уйдет путинский режим, нам придется разговаривать с людьми, и кто-то должен сохранить способность к этому диалогу.

И я с самой идеей согласна: проблемы решаются разговором, а не войнами и бомбами. Но я поняла, что лично я этим человеком не буду. Я не буду разговаривать с теми, кто хоть как-то оправдывал убийства в Украине и весь этот режим, который теперь, помимо всего прочего, запрещает мне ездить к моим родителям.

"Я не люблю бесконечные медиасрачи уехавших и оставшихся"

– Война разделила россиян не только на сторонников и противников войны, но и на уехавших и оставшихся. Причем внутри антивоенной среды эти группы часто предъявляют друг другу обвинения. Одним говорят: "Вы сбежали". Другим: "Вы приспособились". Как вы смотрите на этот конфликт?

– Я всегда старалась исходить из того, что передо мной взрослый человек, который принял решение осознанно. У меня есть подруга, которая все эти годы размышляла, уезжать ей или нет, и решила остаться в России, потому что для нее важно находиться именно там. Я этот выбор уважаю.

Кому-то психологически и эмоционально легче уехать и строить жизнь в другой стране. А для кого-то возможность жить именно на своей земле, там, где он родился, важнее всех рисков и страхов. Конечно, иногда очень хочется сказать: "Блин, давай быстрее уезжай". Просто потому, что ты боишься за человека. Все совершенно непредсказуемо, и в ближайшее время, наверное, лучше не станет. Тебе физически спокойнее, если близкий человек находится где-нибудь в свободной стране. Но это его выбор.

Мне кажется, это вообще разговор о границах: нужно уметь видеть границы другого человека и отстаивать свои. Тогда, может быть, не будет этих вечных споров. Я не люблю бесконечные медиасрачи уехавших и оставшихся.

– То есть, когда вы думаете об оставшихся, вы скорее переживаете за них, чем осуждаете?

– Конечно. Я хочу видеть их чаще. Мне хотелось бы, чтобы они жили в комфортной, свободной стране, чтобы их дети безопасно росли, чтобы им не выносили мозг в школах и университетах про "СВО" и все остальное. Это мой такой шкурный интерес. Но они приняли свое решение, поэтому я его уважаю.

Анна Яровая

– А вам самой оставшиеся когда-нибудь говорили: "Вам хорошо рассуждать из безопасной Финляндии"?

– Нет. Наверное, потому что я никогда их не осуждала и не давала советов.

Перед последней поездкой в Россию я встречалась с журналисткой "Новой газеты". Я ей говорила: "Таня, я за тебя очень переживаю. Ты делаешь в России невероятную работу, на которую многие уже не решились бы. Но если у тебя появится хотя бы малейшее подозрение, что тебя могут посадить, пожалуйста, я надеюсь, у тебя есть возможность уехать". Вот примерно так выглядят мои разговоры.

Я не говорю людям: "Вы должны уехать". Поэтому и в ответ не слышу: "Ты сама уехала, теперь сидишь там и нас учишь".

"Оборвав человеческие связи, мы сделали подарок пропаганде"

В книге Яровой много историй о связях, которые существовали между Финляндией и российскими приграничными регионами до 2022 года – университетских проектах, культурных инициативах, сотрудничестве активистов.

После вторжения России в Украину большая часть этих контактов была прекращена.

– Вы понимаете такое решение?

– Я вообще везде, где могу, говорю, что это было совершенно глупое решение. Наверное, одно из самых глупых. Потому что, обрывая человеческие связи, мы одновременно обрываем возможность их восстановления в будущем. Россия никуда не денется. Российская граница тоже. Она как была здесь, так и останется, сколько заборов ни строй.

И когда война закончится, когда закончится острая фаза этого противостояния, снова придется как-то налаживать диалог. А что будет происходить за этим забором через пять лет? Хорошо бы знать. Для этого не нужно рвать контакты. Наоборот, их надо сохранять.

– Вы говорите именно о низовых связях, а не об официальном сотрудничестве с государством?

– Конечно. У Глеба *(муж Анны Яровой, в России он преподавал политологию),* например, в университете было много приграничных проектов. Здесь шестьдесят километров до России, такие проекты существовали всегда. После начала войны пришла директива: все, никаких связей с Россией.

И люди, которые непосредственно работали друг с другом – вот есть два конкретных человека, один с финской стороны, другой с российской, они много лет общаются, обсуждают проект, – оказались в очень странном положении.

Они говорили: "Но там же живые люди. Они сейчас не взяли автоматы и не пошли убивать. Им хотя бы по-человечески надо объяснить: проект остановлен не по нашему решению, мы продолжаем общаться, следим за ситуацией". А в ответ им фактически говорили: хотите – поддерживайте личные контакты, но не с рабочей почты, не в рабочее время и не от имени института. Для меня это очень печально. Особенно исследователям как раз стоило продолжать изучать эти отношения.

– И, кроме того, такой разрыв легко использовать российской пропаганде.

– Конечно. Получается: с российской стороны человек видит – финны оборвали все связи. И ему говорят: "Ну что с них взять? Они там все на Западе, поддерживают Украину, все против нас. Значит, Путин действительно прав: кругом враги". То есть мы еще и подлили масла в огонь. Молодцы.

"Россия пережила репрессии – и снова идет по тому же пути"

Одним из последних героев книги стал петербургский историк, много лет занимающийся восстановлением имен жертв сталинских репрессий. Яровая познакомилась с ним во время процесса над карельским историком Юрием Дмитриевым.

– Почему для вас была важна эта встреча?

– То, что он оказался в конце книги, в каком-то смысле случайность маршрута: Петербург был последней точкой. Но то, что мы обязательно хотим с ним поговорить, было понятно с самого начала. Во-первых, он друг Юрия Дмитриева. Для меня как журналиста очень важна и история самого Дмитриева, и тема репрессий вообще.

Мне кажется, что сейчас для России особенно актуален вопрос невыученных уроков истории. Мы были в Петербурге 8 мая, накануне всего этого победного пафоса, и для меня было гораздо важнее уехать из центра города в Левашово, на мемориальное кладбище, чем смотреть на подготовку к 9 мая.

Мы давали эту главу читать финским коллегам перед публикацией. Один известный финский журналист сказал, что заплакал, когда дошел до слов Лихачева, которые герой моей книги читает на кладбище. Потому что это страшно актуально. Россия пережила такой кусок истории – репрессии, войну, снова репрессии – и теперь опять идет по тому же пути.

"Если нас посадят, какое будущее будет у детей?"

Анна Яровая уехала из России еще летом 2018 года. В отличие от большинства эмигрантов последней волны, она принимала это решение в стране, откуда еще можно было спокойно возвращаться домой.

– Что в итоге стало главной причиной отъезда – дети или давление, связанное с вашей профессиональной деятельностью?

– Все вместе. У нас родился младший сын. Через месяц после этого Глеба уволили из университета. Еще примерно через месяц началась история с Юрием Дмитриевым.

Глеб тогда сотрудничал с "Голосом", занимался наблюдением на выборах. Потом выяснилось, что был запрос от ФСБ убрать Ярового из университета. При том, что он четырнадцать лет там проработал без замечаний и выговоров. Фактически его уволили за активную позицию. Он преподавал политологию и, видимо, был слишком опасен для студентов. И это был первый очень серьезный сигнал.

Я помню это ощущение: ну, наверное, все. Будущего здесь уже не будет ни для нас, ни для детей. Если нас посадят, какое будущее будет у наших детей? Тогда начался и процесс Дмитриева, который мы активно освещали. Все сошлось в одной точке, и мы решили, что надо уезжать.

– Что было страшнее – уехать или оставаться?

– Глеб сразу воспринимал это как эмиграцию. Он уезжал с мыслью, что мы не вернемся. А для меня это сначала было скорее: "Давайте попробуем пожить не в России". Пожить в комфортной стране, где не нужно думать, что ты едешь с ребенком в садик, а тебя может остановить полиция и куда-нибудь повезти. У нас и такое было. Просто растить детей и не думать постоянно о безопасности.

из архива Анны Яровой (Courtesy Image)

Но до окончательного принятия эмиграции мне понадобилось гораздо больше времени, чем Глебу.

– В какой момент вы поняли, что это уже действительно эмиграция?

– Наверное, сначала во время ковида. Меня очень пугала мысль: если границы закроются, я не смогу ездить к родителям и друзьям. Тогда я впервые поняла, что сама возможность постоянно возвращаться домой может исчезнуть. А полностью приняла эмиграцию уже после начала войны. Тогда стало окончательно понятно: решение уехать было правильным на сто процентов.

Если бы нам пришлось принимать это решение в 2022 году, а не в 2018-м, это было бы в разы тяжелее. Мы уехали заранее, еще в относительно комфортных условиях, когда в Финляндии нас были рады видеть.

"Россия катилась по наклонной, а мы не могли остановить этот камень"

Первые годы после переезда Яровая продолжала работать журналистом на российскую аудиторию. Но постепенно работа, которая прежде давала ей ощущение смысла, превратилась в источник выгорания.

– Что именно вас сломало профессионально?

– Там много всего накопилось. Сам переезд был тяжелым. Маленький ребенок, новая страна. Я одновременно работала и учила язык. Это просто физически очень тяжело. Потом начался ковид.

А я очень заряжаюсь от людей. Я всегда ездила на конференции, встречи, семинары при любой возможности. Ты разговариваешь, обсуждаешь что-то – рождаются идеи. Возвращаешься домой на таком заряде и работаешь до следующей встречи. Во время ковида это просто исчезло.

А еще я стала видеть, что никакого результата от того, что мы делаем, нет. Россия катится по наклонной, а мы не можем остановить этот камень. Для меня всегда

было важно, чтобы от написанного слова был хоть какой-то результат. Плюс сами темы: митинги, аресты, репрессии, пытки, вся эта чудовищная несправедливость. Это тоже очень сильно выжигает изнутри.

Может быть, если бы мы были СМИ, которое каждый день пишет про котят, я бы продолжала работать, даже не видя этих котят своими глазами. Но когда каждый день пишешь про какой-то ужас, позитива остается очень мало.

– В какой-то момент это переросло уже не просто в профессиональное выгорание?

– Да. У меня был депрессивный эпизод. В какой-то момент я поняла, что самостоятельно уже не справляюсь, пришлось обратиться за медицинской помощью. К счастью, этот период я прошла. А потом в какой-то момент просто отпустила ситуацию. Решила: буду жить так, как получается. Если мои идеи кому-то окажутся интересны – отлично.

Появились люди, которые меня поддержали. Я открыла для себя систему грантов в Финляндии. Теперь значительная часть моей работы – сидеть и писать заявки на идеи, которые у меня в голове. Иногда получаю положительный ответ.

Параллельно я училась. Закончила бакалавриат на финском языке, поступила в магистратуру – это направление, связанное с культурой и медиа.

Вот была книга. Теперь мы получили еще один грант на выставку иллюстраций из книги и собираемся ездить с презентациями. Есть идеи следующих книг. Надеюсь, фонды и дальше будут их поддерживать.

"Если не можешь написать книгу по-фински – найди человека, который переведет ее вместе с тобой"

– Книгу вы писали по-русски?

– Да. Мы ездили по России с моей финской подругой. Она восемь лет жила, училась и работала в России до ковида, очень хорошо говорит по-русски. После поездки я писала текст по-русски. Потом она делала черновой перевод на финский, и мы вместе его редактировали.

Она говорила: "Вот здесь финский читатель ничего не поймет, надо объяснить. А это можно убрать. Здесь давай перепишем". Потому что надо объяснять совершенно очевидные для российского читателя вещи. Что такое одиночный

пикет. Чем согласованная акция отличается от несогласованной. Почему это вообще разные понятия.

Анна, переводчица и редактор книги Кертту и художница Лиля

– То есть вы уже можете редактировать финский текст, хотя сами такую книгу по-фински пока не написали бы?

– Читать, понимать, править – да. Но я не напишу на финском так, как на своем родном языке, особенно такую книгу. Я вообще пока не видела много людей, которые переехали после тридцати, начали учить язык с нуля и потом смогли бы владеть им как родным именно в таком формате. Но я поняла другую вещь. Если ты не можешь написать книгу на финском – напиши ее по-русски и найди человека, который переведет ее вместе с тобой. Это такой способ адаптироваться к обстоятельствам, которые у тебя есть. Оказывается, и так можно. Нормальная рабочая схема.

– А русская версия может появиться?

– Я думаю об этом. Люди спрашивают, можно ли почитать по-русски. Пока текст все-таки сделан прежде всего для иностранцев – для людей, которые плохо знают Россию или раньше знали, но теперь не могут приехать и сами посмотреть, что происходит. Для российского читателя часть объяснений будет очевидной. Хотя, с другой стороны, люди, которые давно уехали и несколько лет не были в России, возможно, тоже нашли бы там для себя что-то интересное. У меня сохранился русский текст, но его надо редактировать и дорабатывать. Подруга-журналистка предлагала помочь. Так что я думаю об этом. В России издательство, которое возьмется ее печатать, наверное, найти трудно. Но теоретически может быть электронная версия, PDF – какие-то способы существуют.

"Мама сказала: мы любим нашу родину, но не поддерживаем это правительство"

Родители Яровой продолжают жить в Петрозаводске. Еще до последней поездки Анна договорилась с ними не обсуждать войну: слишком часто разговоры заканчивались конфликтами.

После февраля это правило практически не изменилось.

– Вы по-прежнему не говорите с родителями о войне?

– Практически нет. Но когда в феврале все случилось и мне пришлось срочно уезжать, мама сказала: "Мы любим нашу родину, но не поддерживаем это правительство, которое так поступает". Мне кажется, они впервые увидели на самом близком расстоянии всю несправедливость этой системы.

– До этого для них она была более абстрактной?

– Думаю, да. А теперь это произошло буквально в их квартире и с их дочерью. С папой мне по-прежнему сложно обсуждать войну, поэтому мы ее не обсуждаем. Довольствуемся тем, что у нас есть другие темы.

– Они могут приезжать к вам?

– Могут, но теперь это очень сложно и дорого. Через Норвегию или через Турцию. Раньше было три часа на машине. Сейчас – четырнадцать часов разными видами транспорта. Мама очень тяжело пережила то, что произошло. На фоне стресса у нее начались какие-то проблемы со здоровьем, долго не могли понять причину. После нескольких месяцев анализов и обследований врачи сказали, что это психосоматика, нужно лечить нервную систему. Наверное, это для меня самое печальное последствие всей этой истории.

Мы в конце концов можем встретиться где-то на нейтральной территории. Они могут приехать сюда, пусть и редко. Но то, что это ударило по маминому здоровью, – самое тяжелое.

– А для ваших детей Россия сегодня что означает?

– Младшему не было и двух лет, когда мы уехали. Старшему было шесть. Для них Россия – это прежде всего место, где есть бабушка и дедушка, которые все разрешают, все покупают и с которыми можно делать что хочешь без ужасных родителей, устанавливающих правила. Старший, конечно, уже гораздо лучше понимает, что происходит в России и кто такой Путин. Младший меньше в это погружен. Хотя недавно он сказал: "Когда мне исполнится пятнадцать лет, я поеду к дедушке в Россию".

Но если серьезно – их там ничего не связывает, кроме родственников. Я не думаю, что это страна, в которой они могли бы жить. Наверное, для них это скорее место,

Сыновья Анны и Глеба в Финляндии

куда когда-нибудь можно приехать в гости.

"Я подумала: значит, с меня все метки сняли"

Еще в 2024 году при въезде в Россию через границу с Эстонией Яровую уже опрашивали сотрудники ФСБ. Тогда это не остановило ее от дальнейших поездок.

– После той истории у вас не было ощущения, что ездить в Россию уже слишком опасно?

– Конечно, было. Я понимала, что может случиться все что угодно. Но никакой логики в действиях ФСБ и российских правоохранительных органов проследить невозможно. Поэтому каждый раз ты просто гадаешь: может случиться или не может.

Когда меня опрашивали на эстонской границе, подобные проверки тогда вообще стали относительно обычным явлением для въезжающих. На обратном пути никаких вопросов не было.

В 2025 году мы ездили делать книгу – и вообще ничего не произошло. Ни задержек, ни вопросов, ФСБ не выходила, паспорт не забирали. И я подумала: ну все, значит, с меня все метки сняли. Теперь я могу нормально ездить. Наверное, именно поэтому и поехала снова в 2026-м.

"Я не верила, что меня реально могут сейчас посадить"

– Вы потом рассказывали, что во время общения с сотрудниками ФСБ даже шутили. Что вы на самом деле в тот момент чувствовали? Был страх? Паника?

– Наверное, организм действительно как-то мобилизовался. Я не верила до конца, что будут какие-то реальные последствия. Что меня сейчас действительно могут посадить. Они сами подчеркивали: это не обыск, не допрос. Они называли происходящее "осмотром" и "опросом". Формально я как будто могла отказаться.

– Но вы понимали, что будет, если откажетесь?

– Возможно, через два часа это уже был бы не опрос, а допрос. Но тогда я, наверное, еще не понимала до конца, чем все это может закончиться. И у меня включился такой "отвечатель с иронией". Мама потом сказала: "Аня, это вообще офигеть. Мы были в шоке от того, как ты с ними разговаривала". Первые три часа все происходило в квартире родителей, они сидели там же и все это видели.

– Что сотрудники ФСБ хотели выяснить?

– Они говорили, что проверяют мое возможное сотрудничество с финской службой безопасности. Спрашивали примерно так: "А как вы сотрудничали?" Я отвечала: "Никак". Они: "Может быть, вы не помните? Например, когда вы получали паспорт, вы же ходили в финскую полицию?" Я говорю: "Да. Потому что именно там выдают финский паспорт. Я пришла, забрала конверт с паспортом и ушла". Они: "Ну, может быть, вам там задавали какие-нибудь вопросы? Вспомните, может быть, у вас память подводит". Я отвечаю: "Нет, с памятью у меня все нормально. Ничего мне не задавали". То есть меня все время пытались подвести к какому-то нужному ответу.

– Как вы сами объясняете версию с финскими спецслужбами? Они действительно могли в это верить?

– Не думаю, что они всерьез верили, что я сотрудничаю с финской разведкой или службой безопасности. Думаю, им был нужен доступ к моему ноутбуку, хотелось посмотреть, с кем я общаюсь. Возможно, это было связано с Павлом Андреевым (ФСБ обвинила экс-директора "7х7" и одного из создателей «Революьт-центра» Павла Андреева в госизмене. По версии ФСБ, с 2019 года Андреев якобы за денежное вознаграждение «оказывал помощь представителям иностранных спецслужб в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации), который приезжал до этого на рождественские праздники и против которого уже было дело о госизмене. Может быть, нет.

Может быть, задача вообще была просто напугать. Госизмена сейчас очень удобная статья: с одной стороны, популярная, с другой – максимально тяжелая. Тут уже не забалуешь. Может быть, логика была такая: ездит какая-то журналистка с двумя паспортами, собирает информацию – давайте сделаем так, чтобы больше не ездила. Я точно не знаю.

Но насколько я понимаю, подобные действия проводятся не просто по решению районного сотрудника. Такие вещи согласовываются значительно выше. Поэтому совсем случайной эту историю я тоже считать не могу.

"Вы понимаете, что завтра можете уехать надолго и не туда?"

Настоящий страх, говорит Яровая, пришел не во время разговора с сотрудниками ФСБ, а уже после него.

– Когда адвокат сказал вам: "Вам дали время уехать", вы восприняли это как его предположение или как предупреждение, основанное на опыте?

– Я думаю, это было его профессиональное мнение. Он работал с делами о госизмене. Но меня сейчас саму поражает, насколько я тогда не понимала, что происходит. Я вышла и спрашиваю: "Ну что теперь? Ждать, когда мне сообщат, можно ли забрать компьютер?"

Он смотрит на меня: "Вы вообще слышали, какую статью вам зачитывали? Вы понимаете, что вам нужно уезжать?" Я говорю: "В смысле? Я только приехала". А он: "Вы понимаете, что, например, завтра можете уехать надолго и не туда, куда собирались?" И я такая: "Блин. Что, серьезно, что ли?" Я действительно не верила, что вот сейчас мне просто нужно сесть в машину и уехать из страны.

– Когда вы наконец поверили?

– Я дошла до магазина, купила телефон, потому что мой забрали, связалась с Глебом. Он уже знал, что произошло, был на связи с правозащитниками, с людьми, которые понимают такие дела. И он сказал: "Все. Тебе надо уезжать сейчас. Ты садишься и уезжаешь". А я только приехала! У меня путь туда занял двадцать четыре часа. Я вообще не могла уложить это в голове. Но пришлось приходить в сознание и делать так, как говорят люди, которые понимают ситуацию лучше меня.

– Уже тогда вы поняли, что речь не просто о том, чтобы срочно уехать в этот раз, а о том, что больше возвращаться нельзя?

– Да. Тогда стало понятно: это моя последняя поездка.

– Вы и сейчас так считаете?

– Я не могу сейчас вернуться. Я периодически специально спрашиваю адвокатов: "Как вы думаете?" Они говорят: "Аня, успокойся. Не надо даже пытаться об этом думать". Так что я это приняла. Все.

Культура политики | Регионы | Интервью.Север